

Поэт Борис Фабрикант придумал для новой своей книги нестандартное название. Багажные наклейки – татуировки чемодана у человека, который, путешествуя на самолётах, посетил много городов. Говоря современным языком, это кьюаркоды в недавнее прошлое. Борис словно бы сравнивает содержимое такого чемодана с объёмом человеческой памяти. Это чемодан жизни, наполненный воспоминаниями. Вся книга Бориса Фабриканта состоит из девяти поэтических разделов. С особой теплотой читаю в книге стихи, посвящённые детству поэта. «Свет всегда валялся под ногами», – говорит Борис. Детство, в трактовке Фабриканта, – это маленький рай. Вместе с тем, у поэта это не «потерянный рай», как у Адама и Евы, а рай «забытый». Это важная поправка: забытый – не окончательно потерянный. Его можно вернуть – например, воспоминанием. Что меня особенно трогает в детских стихах Бориса? Он воссоздаёт саму атмосферу детской жизни:

*Как хорошо всё это начиналось.
Как ожиданье праздничных часов.
И книжка перед сном запоминалась.
И дверь не закрывали на засов.*

*Про беды и обиды забывая,
Нырля в сон, выплёскивался в день,
Где было утро без конца и края,
Хлеб с молоком и солнце, свет и тень...*

Детство – это безразмерное и блаженное время, которое сложно отформатировать. Это шагреновая кожа наоборот. «И самолёт не запустить до неба, / И двор не перейти за целый день», – пишет Борис. Бесконечность – как по вертикали, так и по горизонтали. Поэтому и возникает у поэта стойкая ассоциация детства с библейским раем. У Фабриканта есть несомненная одарённость в отображении видеоряда. Поэтому в его стихах – всегда яркие картинки: зрительная память помогает ему всё это запомнить и не забыть. Детство всегда остаётся с нами: «Мой самолётик в тучах бродит, / Не улетая от меня».

*У нас не запирали дверь.
Замок английский только на ночь.
«Дверей всего у жизни две», –
Так говорил сосед Пваныч.
Он зимним утром на снегу
Меня привязывал к овчарке:
«Держись, сейчас я побегу,
Она тебя на лыжах в парке
Потащит быстро за собой.
Держись за палку, не теряйся».
И мчались я и снег сухой.
«На повороте наклоняйся!»
И я стоял, летел сквозь снег,
Там всё осталось, как в начале:
Собака мчится по лыжне,
Снег белый, в мире нет печали*

В детскую картинку поэт вводит, используя ассоциативное мышление, философскую присказку. Читателям хорошо с Борисом в его детстве, потому что детство – страна, общая для всех. Поэзия способна объединять людей. Если перевести стихи Бориса Фабриканта на другие языки, это будет востребовано и представителями других народов. Конечно, из ретроспекций помнится далеко не всё: забвение – такая же важная вещь для человека, как и память. Регулировка баланса между ними происходит самопроизвольно, часто во благо самому человеку. Невод памяти Бориса Фабриканта не просто захватывает в свои сети крупную рыбу. У него возникает с памятью философский диалог. Мне кажется очень важным этот посыл поэта – «спросить и простить свою память», и не только в отношении детского периода жизни. Простить память – и за то, что многое забыла, и за то, что многого не забывает.

*Пробел в пространстве залатать стихами,
Защипать строчкой, подбирая цвет,
Не наглухо, чтоб облака мехами
Дышали вслух и пропускали свет.*

*Снег утоптал, и шаркая в калошах,
Тереть его до льда, тереть до льда.
И каждый день останется хорошим,
И целый год, который навсегда.*

*А снег и память, тонкие листочки
Кладут в следы, не оставляя звук.
Я запишу, поставлю даты, точки,
И осторожно вытущу из рук.*

*Те давние и клятвы, и обманы,
Как подпись в небе дымом из трубы,
Растают к лету, йодом смажем раны,
Всё заживёт до свадьбы у судьбы*

Детские стихи поэта были опубликованы в советское время в «Пионерской правде». Так, ещё в детстве, началась его творческая биография. А дальше – бескрайность детства куда-то испаряется, улетучивается, когда человек становится взрослым. «Багажные наклейки» – это книга о памяти и бессмертии. «От забора чужое ложится начало, / по следам под дождём не найти никого, / ничего не забыть – это много и мало, / это – много и мало – нести каково?».

В стихах Бориса Фабриканта много воздуха и спрятанных смыслов. Много бытовых подробностей, вплоть до предметов в доме, ухватившись за которые, кинолента памяти начинает раскручиваться обратно. Иногда в гостях возникает неожиданное чувство, что всё здесь знакомо, словно бы сам ты сажал здесь цветы – настолько окружающая обстановка соответствует твоим вкусам. Так и с воспоминаниями Бориса Фабриканта.

Поэт мыслит книгами, и лучшее впечатление о его стихах можно сформировать именно из книг. Внутри книги существует своя жизнь, от каждого стихотворения идёт эхо. Авторский выбор даёт им многое. Новые смыслы могут открыться читателю на стыке разных стихотворений, раздвигая пространство. Фабрикант пишет о главном, но не напрямую – через предметы, осязаемо, вещественно, духовито. Борис не даёт готовых рецептов, как жить. Но с его лирикой хорошо думается о жизни читателям.

У Бориса Фабриканта багажные наклейки – как будто следы жизни, её шаги. Память прихотлива: на одно и то же событие у разных людей она отзывается по-разному. «Дней воздушные пузыри / Надуются. Подождём. / Очень яркие у зари, / Очень мокрые под дождём. / Рассыпаются – подыпшать / Крошкой, брошенной воробьям. / Понедельники не спешат, / Собираются по краям. / В небесах дыра, медный грош, / Солнце раннее, шагом марш! / Ливень угрюмый – не пройдёшь! / Тучи к вечеру – мятый фарш. / Без команды никто, нигде, / Даже ветер пустой не крут. / Кто вообще бы на них глядел, / Если б мы не дышали тут?». Взгляду поэта присущ метафорический объём. Действительно, большинство наших дней – лопаются, как мыльные пузыри: вроде был – и нет. Редкий день остаётся в памяти на всю жизнь. У Фабриканта сквозное ощущение жизни, проходящей через человека. Герой Бориса живёт порой в срединном положении между раем и обрывом:

*Но куда ни пойдёшь в этом старом краю,
Отмывая окно и сквозняк запирая,
Ты на шаг у обрыва стоишь на краю
В расстояньи руки от забытого рая («Забывтый рай»).*

В новую книгу поэта вошло запомнившееся и памятное. Но память всегда можно раздвинуть ещё глубже, ещё дальше. Всё подвластно киноплёнке памяти: «И видишь, идут пионеры в походы. И слышишь, не слышишь, крадётсЯ беда. А хочешь, не хочешь, потеряны годы. Но их не вернёшь никогда». Потерянное у поэта равняется обрётённому. Память неожиданно оказывается амбивалентной, и Борис замечательно передаёт это ощущение «двойными» глаголами: «хочешь, не хочешь, слышишь, не слышишь». И то, что вспоминается Борису, актуально и в наши дни: к сожалению, всё возвращается, и в том, что возвращается, плохого больше, чем хорошего.

В лирике Фабриканта сочетаются мыслитель, лирик, эпик и живописец. У него необычный взгляд на жизнь – одновременно и снаружи, и изнутри, и сверху – как бы уже из будущего. «Как будто я, бинокль у самых глаз перевернув, / гляжу глазами в душу», – говорит Борис. Плюс ко всему в его стихах есть мудрость. Поэт чувствует дистанцию между правдой и вымыслом. Он изображает жизнь объёмно, ничего не утаивая, не выдавая желаемое за действительное: «Кино – окно, глядишь, не верится, / Так всё красиво от любви! / Оно недолго плёнкой вертится, / Всё остальное сам живи».

У Бориса Фабриканта – обширный поэтический инструментарий. Вот, например, он рассказывает о том, как слушал в юности виниловые пластинки. И вдруг – говорит о том, что теперь сам он как пластинка – крутится и уже не может остановиться. Метонимия здесь отлично работает, как художественное средство. У Бориса есть в поэзии личный набор инструментов, и он из выбранных кирпичиков строит своё здание.

Интересна и обложка новой книги поэта. Помните «Витрувианского человека» Леонардо да Винчи? Эта работа продемонстрировала миру идеальные пропорции человеческого тела, так называемое «золотое сечение». Так вот, рисунок гения высокого Возрождения, где человек вписан в квадрат, а квадрат, в свою очередь, вписан в круг, переосмыслен поэтом. Художник книги Михаил Евшин немного даже «приделал» витрувианского человека. А Борис дополнительно окольцевал рисунок да Винчи своим собственным стихотворным кольцом, в котором угадываются названия глав новой книги. Особенно запомнились из его стихотворного послания строки о бессмертии: «И помню, что я никогда не умру».

В стихах Бориса дышит живой человек. Для него стихи – связующая нить между людьми: «Стихи, как взгляд, живое средство связи, / И бесконечно мы передаём / Простые строки по словам, по фразе. / Любимые! Приём! Приём! Приём!» («Азбука Морзе»). Причём «любимые» для поэта – это не только самые близкие люди – отец и мать, но и все люди, с которыми удаётся установить мысленную связь. «Если позвать негромко – перелетает эхо».

Борис – человек театральный: дружил с Виктюком, сочинял либретто для музыкальных спектаклей. Ему родственно шекспировское отношение к жизни: весь мир – театр, и все мы в нём – актеры. И кино, как младший брат театра, тоже символизирует у поэта кратковременность жизни.

*Любовь и смерть, рождение и детство,
Набор страстей, еда, красивый вид,
Друзья, беда, привычное соседство,
И сердце – и болит, и не болит.*

*Рассыпанные дни, как снимки, маски
И карты – неразгаданный пасьянс,
До старости мы, плача, смотрим сказки,
До смерти наша жизнь – один сеанс.*

*Мы указаний ждём от режиссёра,
Кинотеатр старьёй, небольшой,
И аленький цветок растёт из софа,
А после называется душой*

Театральных стихов в книге очень много («Второй состав», «Он был на равных с небесами...», «Трагикомедия» и др.). Поэт избегает чеканности строк, но природная музыкальность проникает в его стихи. Стержневая тема новой книги Бориса – свойства человеческой памяти. По мнению поэта, память человека трансцендентна: «Так и мы, здесь остаёмся памятью, / От рожденья бывшей нам душой, / и уходим ветром, цветом, заматью. / А за нами дождик небольшой».

Конечно, новая книга Бориса Фабриканта – не только о памяти. Она – и о сталинских репрессиях, и о современном выборе человека – «между миром и вождём, меж честью и бесчестьем», и о вечных поисках истины. «Багажные наклейки» – книга для внимательного чтения. На мой взгляд, это лучшая на данный момент по качеству книга стихов Бориса Фабриканта. Думаю, её будут читать и перечитывать. В добрый путь, новая книга!